

В. А. Лапин (Санкт-Петербург)

О некоторых проблемах исторической динамики локальных традиций

Во многих областях гуманитарной науки — в философии и культурологии, в этнографии и этнолингвистике, в фольклористике и этномузыкознании — существует множество определений понятия «традиция», и, похоже, что так и будет, пока существует гуманитарное знание. Впрочем, этот феномен вполне объясним, если мы согласимся с тем, что традиция принадлежит к тем немногим терминам-понятиям, которые имеют огромное смысловое поле и, по словам В. В. Налимова, не поддаются однозначному определению [Налимов 1979]. Тем не менее в сухом остатке множества определений остается главное: «Традиция — это сеть (система) связей настоящего с прошлым. При помощи этой сети совершаются отбор, стереотипизация опыта и передача стереотипов, которые затем опять воспроизводятся» [Чистов 2005, 106]¹. Напомню, что уже более ста лет назад английский этнолог С. Шарп предложил более краткое, но похожее по смыслу определение: фольклор — это продукт традиции, которая определяется тремя факторами: преемственность, избирательность и отбор (в вольном переводе Е. Е. Васильевой).

Итак, фольклор — это та духовная часть традиционной культуры, которая так или иначе связана со словом, с вокально-инструментальным или чисто инструментальным музицированием (ну и, конечно, с хореографией). В территориальном плане русский музыкальный фольклор в целом — это «система локальных традиций разного масштаба и исторической глубины, разных уровней местной специфики и национальной общности» [Лапин 1995, 4]. Именно в этих локально-региональных традициях, привязанных к конкретной территории, совершались реальные музыкально-фольклорные процессы. Нужно еще напомнить, что московские этномузиковеды школы Е. В. Гиппиуса совершенно справедливо разделяют «крупным помолом» русские музыкально-фольклорные традиции на традиции первичного формирования и переселенческие традиции позднего формирования.

В последние десятилетия пристальный интерес к тем или иным локально-региональным традициям очевиден, и он нарастает. Стоит особенно вспомнить исследования и публикации материалов, посвященных специфическим традициям русских старообрядцев (семейские Забайкалья, старообрядцы Верхнекамья, липоване, казаки-некрасовцы и т. д.) или региональные

¹ Этому определению предшествует следующая важная дифференциация: «Термин «культура» обозначает сам феномен; а «традиция» — механизм его формирования, трансмиссии и функционирования» [Чистов 2005, 106]. Если строго придерживаться определений К. В. Чистова, то нужно называть объект наших фольклористических штудий или просто фольклором, или фольклорной культурой, а традицией — механизмы его (или ее) функционирования. Но, памятуя В. В. Налимова, будем употреблять наряду с фольклором термин «фольклорная традиция» и «локальная фольклорная традиция» — особенно в тех случаях, когда имеется в виду территориальный (ареальный) аспект.

своды типа «Смоленского музыкально-этнографического сборника». Новейшая работа этого направления, посвященная русским традициям-анклавам на русско-украинском пограничье и в Слободской Украине, — выдающееся, на мой взгляд, фундаментальное исследование Е. А. Дороховой «Этнокультурные «острова»: пути музыкальной эволюции» [Дорохова 2013]. Кроме комплексного и аналитически виртуозного изучения собственных объектов, автор делает основательный историографический обзор исследований, посвященных философскому и культурологическому изучению категорий «традиция/традиционность», а также отечественных этномузыковедческих работ, посвященных феномену локальных традиций².

1) Тут, на пересечении пространственно-временного и этносоциального развертывания различных форм традиционной культуры, намечается первая из проблем исторической динамики локальных традиций, на которых я хочу остановиться. Ее можно обозначить как проблему музыкально-фольклорного ландшафта. Сам этот термин изредка встречается в музыкально-фольклористических работах, но специально он не исследовался. Между тем близкая категория культурного или *историко-культурного ландшафта* уже получила основательную разработку у коллег из Института культурного и природного наследия³.

Как мне представляется, музыкально-фольклорный ландшафт заслуживает самого пристального внимания. Мы выявляем ареалы локальных традиций или территории распространения тех или иных явлений музыкально-фольклорной культуры, исследуем структуру *ядра* локальной традиции — и очень редко интересуемся тем, что происходит на ее *периферии*. Между тем *территориальное развертывание культуры* во времени (термин В. В. Пименова) предполагает на перифериях локальных традиций, то есть в переходных зонах их контактирования, процессы не менее значимые, чем в центрах-ядрах традиций. Мне, во всяком случае, известна пока только одна серьезная работа подобного рода — статья Н. И. Жулановой о так называемых юрлинцах в Кomi-пермяцком округе⁴.

Из недавнего опыта: на одном из заседаний прошедшей в ноябре 2013 г. в Российском институте истории искусств Школы молодых фольклористов я прочитал лекцию о музыкально-фольклорном ландшафте Ленинградской области. Рассмотренные в таком ракурсе материалы фольклорных публикаций, исследований и архивных полевых записей заставили меня по возможности тщательно рассмотреть и историю заселения нашего Северо-Запада. И тут принципиально важной оказалась хронология заселения обозначенной территории и конфессиональная принадлежность, с одной стороны, ильменских (новгородских) славян, веси-вепсов, ижоры, води и карелы (все — первонасельники и, кроме того, рано принявшие православие) и, с другой стороны, так называемых финнов-ингерманландцев, сформировавшихся как этнокультурное единство из переселенных сюда шведами после Столбовского мира 1617 г., то есть в первой половине XVII в., финнов-лютеран (этнические группы эврямейсет и саввакот). В этногенезе ингерманландцев существенна также

² В работе Дороховой меня смущает только одно обстоятельство: стремление все возможные подходы и методики жестко «завязать» на структурно-типологической методологии.

³ Самая ранняя обобщающая публикация на эту тему: [Экология культуры 2000]. Кроме всего прочего, здесь имеется специальная статья Е. Д. Андреевой [Андреева 2000, 76–85].

⁴ См.: [Жуланова 1995, 77–88].

роль какой-то части ижоры — вследствие близости языков, смешанных браков и смены вероисповедания. Рельеф музыкально-фольклорного ландшафта оказался очень выразительным, точно соответствующим реалиям исторического заселения территории. Кроме того, дифференцированно разными в жанровом отношении оказались и слои песенно-обрядового, собственно песенного (то есть связанного со словом), инструментального и вокально-инструментального фольклора, в которых проявились/отложились контакты и взаимодействие славян-русских и прибалто-финнов.

По традиционной культуре и фольклору вепсов опубликовано большое число достаточно известных материалов и исследований, начиная с записей Элиаса Лённрота (с 1840-х гг.). Что касается финнов-ингерманландцев, то напомню только об авторском сборнике замечательного финского этномузиколога А. О. Вяйсянена, в который вошли нотации более 150 фонографических записей, сделанные во время его поездки к сойкинской ижоре в 1914 г. К сожалению, сборник по каким-то причинам вышел в свет лишь спустя 70 лет после экспедиции, крошечным тиражом в виде факсимильного воспроизведения рукописи Вяйсянена [Karjasonit 1985]. Сборник представляет синхронный срез богатой музыкально-инструментальной традиции ижорских пастухов, в которую вошло значительное число русских главным образом поздних популярных хороводно-игровых и плясовых песен, естественно, в собственных инструментальных версиях и многочисленных вариантах.

Во всяком случае, разница очень наглядна и значительна: северо-восток области, этническая территория вепсов и южных карел, а также когда-то лишь череззолосно расселенных русских демонстрирует длительные и глубокие контакты, затронувшие практически все сферы традиционной культуры и фольклора⁵; с другой стороны — контакты финнов-ингерманландцев и части ижоры и заимствования позднего русского песенного слоя и только в сфере своего инструментального и танцевального фольклора. Таким образом, за музыкально-фольклорным ландшафтом региона проступает реальная этнокультурная история взаимодействия и взаимовлияния различных этнических сообществ. (Можно это сформулировать и наоборот.)

2) Лет 30 назад, отталкиваясь от идей Б. Н. Путилова, я высказал предположение об историко-типологической преемственности в развитии русских локально-региональных традиций музыкально-песенного фольклора [Лапин 1983, 31–45]. Может быть сейчас, когда уже появилось значительное число основательных работ, посвященных локальным традициям, имеет смысл вернуться к этой проблеме? Но тогда нужно всерьез подумать о закономерностях формирования и развития и о соотношении этих процессов в традициях раннего формирования (то есть в традициях исконных восточнославянских земель) и в переселенческих традициях позднего формирования: в какой мере к ним относятся естественные процессы территориального, «ландшафтного» развертывания, а в какой — процессы внутренние, условно говоря, «анклавные», основанные прежде всего на оппозиции свое/чужое.

3) Наконец, жанрово-стилевая доминанта — количественно и качественно определяющая жанровую систему традиции и ее специфику. Это исторически изменяющаяся характеристика, и проявления ее многообразны. Тут

⁵ Этот феномен я в свое время предложил назвать фольклорным двуязычием [Лапин 2002, 28–38].

принципиально важно понятие продуктивного периода развития (термин Б. Н. Путилова) того или иного жанра или вида. Это может быть региональная характеристика — например, место в жанровой системе Русского Севера повествовательных жанров как вида (причтания, былины, духовные стихи). Может проявиться в «агрессивной» роли причтаний как в похоронно-поминальной, так и в свадебной обрядности, как в восточно-вологодской традиции [Ефименкова 2008]. А может быть мелодико-фактурный тип, объединяющий в этнических «островах» Е. А. Дороховой множество обрядовых и необрядовых жанров. Это может быть активное продуктивное состояние традиции рождественско-святочных обходов дворов и, в частности, виноградий — святочно-обходных песен в регионе Великого Устюга. Великоустюжские виноградья, кроме собственно обходных сюжетов, структурно и функционально включили в себя исторические сюжеты, вербально принадлежащие эпической стилистике («Смерть Скопина», «Выкуп Филарета» и поздняя былина «Илья Муромец на Соколе-корабле»). И это все точно датируется началом XVII в., а сама традиция сохраняется вплоть до начала XX в.⁶

Пристальное внимание к этой проблеме, надеюсь, откроет или позволит реконструировать еще не один феномен подобного рода в русских локальных фольклорных традициях.

ЛИТЕРАТУРА

- Karjasoitto 1985 — Karjasoitto:* A. O. Väisäsen keräämiä paimensävelmiä Inkeristä [Пастушеская музыка: Пастушеские мелодии Ингрии, собранные А. О. Вяйсяненом]. Kaustinen, 1985 (факс. изд.).
- Андреева 2000 — Андреева Е. Д.* Звуковой ландшафт как реальный объект и исследовательская проблема // Экология культуры: Альманах Института Наследия «Территория». М., 2000. С. 76–85.
- Бернштам, Лапин 1981 — Бернштам Т. А., Лапин В. А.* Виноградье — песня и обряд // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 3–109.
- Дорохова 2013 — Дорохова Е. А.* Этнокультурные «острова»: пути музыкальной эволюции: песенный фольклор русских сел Курского Посемья и Слободской Украины. СПб., 2013.
- Ефименкова 1980 — Ефименкова Б. Б.* Северорусская причеть: Междуречье Сухоны и Юга и верховьев Кокшеньги (Вологодская область). М., 1980.
- Жулanova 1995 — Жулanova Н. И.* Юрлинцы: «русский остров» или контактная зона // Русский фольклор в инокультурном окружении. М., 1995. Вып. 6. С. 77–88.
- Иванова 2001 — Иванова Т. Г.* «Малые» очаги северорусской былинной традиции: Исследование и тексты. СПб., 2001.
- Лапин 1983 — Лапин В. А.* Об историзме в изучении русского музыкально-песенного фольклора // Методы изучения фольклора / Сост. и отв. ред. В. Е. Гусев. Л., 1983. С. 31–45. (Фольклор и фольклористика. Вып. 7).
- Лапин 1995 — Лапин В. А.* Русский музыкальный фольклор и история (к феноменологии локальных традиций). М., 1995.

⁶ Подробнее см.: [Бернштам, Лапин 1981, 3–109; Лапин 2012, 180–185]. См. также: [Иванова 2001].

- Лапин 2002 — Лапин В. А. Фольклорное двуязычие: феномен и процесс // Искусство устной традиции: Историческая морфология. Сб. ст., посвященный 60-летию И. И. Земцовского / Сост. и отв. ред. Н. Ю. Альмееева. СПб., 2002. С. 28–38.
- Лапин 2012 — Лапин В. А. Песенный репертуар святочных обходов в городских традициях Русского Севера // Евразия: Духовные традиции народов / Отв. ред. В. В. Шмидт. М., 2012. № 1. С. 180–185.
- Налимов 1979 — Налимов В. В. Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков. М., 1979.
- Чистов 2005 — Чистов К. В. Традиция и вариативность // Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005. С. 105–117.
- Экология культуры 2000 — Экология культуры: Альманах Института Наследия «Территория». М., 2000.